

КРАСКИ ЛЮБВИ

Ирина Фалёва

Ирина Фалёва

Краски любви

<https://litres.ru/74040864>

SelfPub; 2026

Аннотация

Случайное падение со стремянки в холодном особняке навсегда связало жизни свободной художницы Киры и циничного мажора Дениса Громова. Их история началась с яростной войны: её гордость против его ледяного высокомерия. Но за колкими фразами вспыхнула страсть, которую нельзя купить за деньги. Ради Киры Денис готов отказаться от миллиардов отца. Но теневое прошлое его семьи наносит ответный удар. Древнее вампирское проклятие, оцифрованное в кодах швейцарского банка, превращает Дениса в хищника с янтарными глазами. Его нежность борется со смертоносным голодом. У Киры есть лишь три дня до полнолуния, чтобы разгадать чертежи своего отца и покрыть витражи заброшенного собора особым лазуритом. Ей предстоит пройти через вынужденную разлуку, ментальные укусы и предательство, чтобы выжечь тьму и вернуть мужа в человеческий мир. Смогут ли краски настоящей любви победить проклятие крови и подарить им чистый, легальный рассвет?

Содержание

Часть 1, Глава 1	4
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ирина Фалёва

Краски любви

Часть 1, Глава 1

Высота всегда дарила мне чувство абсолютной свободы, но сегодня она казалась хрупкой. Я стояла на самой верхней площадке массивной алюминиевой стремянки, прижавшись бедром к металлическим перилам. Вокруг меня простиралось глухое, почти осязаемое одиночество огромного трёхэтажного особняка из стекла и серого бетона. Этот дом принадлежал какому-то невероятно богатому человеку, чьего имени мне даже не называли, — всё оформлялось через безликих юристов. Моей задачей было оживить мёртвую стену в огромном холле, превратить холодный хай-тек в нечто дышащее.

В больших наушниках на всю мощность надрывался тягучий, чувственный трип-хоп. Я полностью растворилась в ритме. Мои пальцы, испачканные в густой акриловой краске, крепко сжимали флейц. Я вела широкую, сочную линию глубокого ультрамаринового цвета по безупречно белой штукатурке. На мне был старый, выдавший виды джинсовый комбинезон, пахнувший растворителем и льняным маслом, а волосы были небрежно заколоты на макушке обычным каран-

дашом. Я чувствовала себя демиургом в этом чужом, стерильном мире.

Доля секунды — и всё рухнуло.

Музыка в ушах не смогла заглушить резкий, вибрирующий от ярости звук человеческого голоса. Кто-то бесцеремонно и сильно дёрнул нижнюю опору стремянки. Металл под моими ногами жалобно звякнул, и равновесие, которое я так бережно удерживала, мгновенно испарилось.

— Эй! Ты что ещё за чучело?! Кто тебя сюда впустил?! — донёсся снизу надменный, раскатистый бас.

Сердце пропустило удар, ухнув куда-то в желудок. Стены и потолок бешено закружились перед глазами. Я судорожно взмахнула руками, пытаюсь ухватиться за воздух, но пальцы лишь беспомощно скользнули по гладкой стене. Тяжёлая банка с ультрамариновой краской выскользнула из моих рук, переворачиваясь в воздухе. Я летела вниз с двухметровой высоты, спиной вперёд, готовая пересчитать собственными рёбрами ступени или разбиться о гранитный пол. Глаза зажмурились сами собой в ожидании неминуемой боли.

Но боли не последовало. Вместо жёсткого пола я врезалась в нечто плотное, горячее и живое.

Сильные, жёсткие руки перехватили меня прямо на лету, намертво зафиксировав в районе талии и лопаток. Удар чужого тела вышиб из меня дыхание. Мы оба не удержались на ногах. Стремянка с оглушительным, металлическим грохотом рухнула рядом, едва не задев нас. В воздухе пронёс-

ся сочный шлепок: перевернувшаяся банка с краской приземлилась точно на лацкан безупречного, дорогого пиджака моего спасителя, уродливой синей кляксой расплываясь по идеальной ткани и пачкая его кожаные туфли.

Несколько секунд мы просто лежали на полу в глухом оцепенении. Я задыхалась, упёршись ладонями в его широкую грудь. Сквозь тонкую ткань его рубашки я чувствовала, как бешено, тяжёлыми толчками бьётся его сердце. От него пахло дорогим парфюмом с нотами табака и кожи, а ещё — ледяным уличным дождём. Его пальцы всё ещё до боли сжимали мои бока, и этот неожиданный, слишком интимный физический контакт обжёг меня сквозь комбинезон.

Я открыла глаза и наткнулась на взгляд, полный ледяного презрения и ярости. На меня смотрел невероятно красивый, но порочный и злой парень. Его тёмные волосы были слегка растрёпаны, а на скулах ходили желваки.

Осознав, что опасность миновала, он резко, почти брезгливо разжал руки, позволяя мне неуклюже свалиться на холодный мрамор. Парень резко вскочил, нависая надо мной, словно грозовая туча. Он посмотрел на свой испорченный ультрамарином костюм, и его лицо перекошилось от отвращения.

— Ты вообще соображаешь, что ты натворила, шваль при вокзальная? — процедил он сквозь зубы, и его голос так и сочился ядом. — Ты хоть представляешь, сколько стоит этот костюм? Твоей месячной зарплаты прислуги не хватит даже

на один его рукав! Убирайся отсюда, пока я не вызвал охрану и тебя не вышвырнули на панель, где тебе и место!

Внутри меня словно вспыхнул пороховой склад. Обида, испуг от падения и унижение мгновенно переплавились в чистую, обжигающую ярость. Моя творческая гордость, которую возвращали годами, требовала немедленного реванша. Я вскочила на ноги, совершенно игнорируя ноющую боль в ушибленном бедре. Шагнув к нему вплотную, я ткнула своим испачканным пальцем прямо в его безупречную, а теперь синюю грудь.

— Да пошёл ты к чёрту со своим костюмом, недоносок высокомерный! — выкрикнула я прямо ему в лицо, тяжело дыша от гнева. — Твой шмоток стоит дороже, чем все твои куриные мозги! Ты чуть не убил меня! Ты хоть понимаешь, что если бы я сломала руку, твои папочкины миллионы не вернули бы мне способность рисовать?! Да ты... ты просто разжиревший от безнаказанности придурок, который считает, что ему все должны кланяться!

Мы стояли друг против друга, тяжело и прерывисто дыша. Расстояние между нами было ничтожным — я видела, как расширились от шока его зрачки. Никто и никогда в этой жизни не смел разговаривать с сыном олигарха в таком тоне. Между нами буквально трещало электричество, сотканное из чистой ненависти и странного, пугающего притяжения.

Он опешил. На мгновение в огромном холле воцарилась такая звенящая тишина, что было слышно, как за панорам-

ными окнами крупные капли дождя бьются о гранитные плиты террасы. Его зрачки, и без того тёмные, расширились, почти полностью затопив радужку. Цвет его глаз оказался странным — холодный, графитовый оттенок, напоминающий грозное небо над морем. Он смотрел на меня так, словно перед ним была не обычная девушка в испачканной робе, а дикое животное, внезапно заскочившее в его стерильный, вылизанный до блеска мир.

— Что ты сейчас сказала? — его голос упал до опасного, тихого шёпота. Этот шёпот пугал гораздо сильнее, чем его недавний крик. Он сделал шаг вперёд, практически заставляя меня попятиться, но я упрямо осталась на месте, лишь сильнее сжав кулаки. — Повтори.

— Что слышал, — отрезала я, хотя внутри всё сжалось в тугую комок от его внезапной близости. Теперь, когда мы стояли вплотную, я остро ощущала, насколько он выше и сильнее. Его широкие плечи полностью загораживали от меня свет из окна, погружая моё лицо в тень. — Ты глухой или просто привык, что вокруг тебя все только лебезят? Повторяю для особо одарённых: ты — высокомерный придурок. И мне плевать, чей ты сын и сколько нулей на твоём банковском счёте.

Парень резко вскинул руку, и я на секунду зажмурилась, решив, что он ударит меня. Но его пальцы — длинные, ухоженные, с дорогими часами на запястье — лишь грубо схватили меня за подбородок, вынуждая поднять голову ещё вы-

ше. Его хватка была железной, но в ней не было осознанной жестокости — скорее, привычка брать то, что хочется, и подчинять своей воле. Его большой палец мазнул по моей щеке, стирая свежий след от ультрамариновой краски. Этот жест вышел пугающе интимным, отчего по моей спине пробежала непрошенная волна дрожи.

— Ты хоть знаешь, чья это земля, девчонка? — тихо, почти у самого моего уха произнёс он. От его горячего дыхания у меня пошли мурашки. — Ты находишься в моём доме. И всё, что здесь находится, включая эту стену и тебя, пока ты здесь работаешь, принадлежит моей семье. Если я сейчас наберу один номер, тебя не просто вышвырнут отсюда — ты больше ни одной кисти в руки в этом городе не возьмёшь. Тебя сотрут.

— Попробуй, — выдохнула я прямо в его губы, чувствуя, как страх окончательно сгорает в огне упрямства. — Силачёрк. Только учти, что твой отец, который нанял меня через агентство и заплатил аванс, очень хотел увидеть эту стену готовой к концу недели. Интересно, что ты ему скажешь? Что испугался девчонки с красками?

Его пальцы на моём подбородке на секунду дрогнули, а затем он медленно, словно нехотя, разжал руку. На моей коже остался гореть невидимый след от его прикосновения. Он отступил на шаг, брезгливо окинув меня взглядом с головы до ног, будто оценивая степень моей сумасшедшинки.

В его глазах мелькнуло удивление — видимо, упоминание

отца подействовало, хотя он изо всех сил старался этого не показать. Денис — а я была почти уверена, что этого лощёного, заносчивого парня, чьё фото изредка мелькало в светской хронике, зовут именно Денис Громов, — зло засунул руки в карманы брюк, безвозвратно размазывая синий акрил по дорогой ткани.

— Значит, Кира? — вдруг произнёс он, и от того, как легко моё имя сорвалось с его губ, у меня внутри что-то дрогнуло. Он явно успел заметить мой бейджик, оставленный на столике у входа, или просто навёл справки у охраны, пока шёл сюда. — Та самая «гениальная художница», о которой отец все уши прожужжал? Ну надо же. Я ожидал увидеть кого-то с умом, а не взбалмошную девицу, которая не умеет держаться на ногах.

— Мой ум тебя волновать не должен, Денис, — я намеренно выделила его имя голосом, стирая между нами всякую субординацию. — Моя задача — сделать эту стену живой. А твоя, судя по всему, — ходить и портить людям воздух своим присутствием. Так что сделай одолжение, избавь меня от своего общества. Мне нужно работать.

Я развернулась к нему спиной, демонстрируя абсолютное равнодушие, хотя сердце в груди всё ещё выстукивало сумасшедший ритм, а ладони слегка подрагивали. Подняв с пола упавшую стремянку, я натужно поставила её на место. Спиной я отчётливо чувствовала его тяжёлый, буравящий взгляд. Денис не привык, чтобы последнее слово оставалось

за кем-то другим, особенно за девушкой в джинсовом комбинезоне. Он не ушёл. Вместо этого он подошёл к массивному кожаному дивану в глубине холла, развалился на нём, закинув ногу на ногу, и ослабил узел шёлкового галстука. Синее пятно на его груди выглядело как яркое, кричащее клеймо моего неповиновения.

— Я никуда не уйду, Кира, — с ленивой, хищной грацией произнёс он, откидывая голову на спинку дивана. — Это мой дом. И я хочу посмотреть, за что мой отец платит такие бешеные деньги. Начинай. Или ты умеешь только языком чесать и падать мне на руки?

Его вызов повис в воздухе, тяжёлый и осязаемый. Внутри меня боролись два желания: запустить в его безупречное лицо ещё одной банкой краски или доказать этому цинику, что я действительно стою каждого цента. Я выбрала второе. Глубоко вздохнув, я снова нацепила наушники, но музыку включать не стала — мне нужно было контролировать каждое его движение, каждый шорох в этом огромном зале. Я поднялась по ступеням стремянки, чувствуя, как его глаза буквально прожигают мою спину, скользят по талии, по линии бёдер. Это не был обычный похотливый взгляд мажора — в нём читалось опасное, исследовательское любопытство, от которого кожа покрывалась мурашками.

Я взяла новую кисть, обмакнула её в ультрамарин и сделала первый мазок. Сначала рука дрогнула, линия вышла неровной, но затем творчество снова затянуло меня, застав-

ляя забыть обо всём. Я двигалась плавно, отдаваясь процессу, выплёскивая всю свою злость, страсть и обиду на холодный бетон стены. Я не видела, но кожей ощущала, как Денис медленно поднялся с дивана. Его шаги по мраморному полу были бесшумными, словно у дикого кота. Он подошёл ближе, останавливаясь у самого подножия стремянки. На этот раз он не стал её дёргать. Он просто стоял внизу, задрав голову, и смотрел, как под моими пальцами рождается бушующее, живое море. В его лице что-то изменилось — исчезла высокомерная маска, уступая место какому-то завораживающему, почти детскому изумлению. Холодный мажор впервые столкнулся с чистой, неподдельной страстью к искусству, которую нельзя было купить ни за какие миллиарды его отца.

Он так и не проронил больше ни слова до самого вечера, уехав ближе к семи часам и обдав меня на прощание лишь холодным сквозняком от захлопнувшейся массивной двери. Когда за мной приехало нанятое старшим Громовым такси, я чувствовала себя опустошённой. Автомобиль долго вез меня по забитым вечерними пробками улицам, увозя всё дальше от элитного посёлка в спальный район города.

Мой мир встретил меня запахом старого дерева, сохнущего белья и домашней выпечки. Наша с мамой двухкомнатная квартира на четвёртом этаже хрущёвки была крошечной, с вечно поскрипывающими половицами и обоями в блёклый цветочек, но здесь было тепло. Мама, мягкая, рано поседевшая женщина с добрыми, но уставшими глазами, встрети-

ла меня в коридоре. После смерти отца три года назад она замкнулась в своём маленьком мире, и вся её жизнь теперь крутилась вокруг швейной машинки и заботы обо мне.

— Кирочка, ты совсем бледная, — тихо сказала она, забирая у меня тяжёлый рюкзак, из которого торчали испачканные кисти. — Этот твой новый заказ... Стоит ли он того, чтобы так убиваться? Опять вся в краске. И щёку где-то умудрилась измазать.

— Всё хорошо, мам, платят отлично, ты же знаешь, — я натянуто улыбнулась, проходя на кухню и умываясь прямо над раковиной, смывая остатки ультрамарина. — Заказчик надёжный.

Я не стала говорить ей, что ультрамарин на моей щеке — это след от пальцев Дениса. То прикосновение до сих пор горело на коже фантомным ожогом. Мама налила мне горячий чай, и мы неторопливо поужинали, обсуждая бытовые мелочи, но мысли мои были далеко. Я то и дело возвращалась в тот стерильный холл, к графитовым глазам, которые смотрели на меня с такой неприкрытой яростью.

Каждое утро начиналось одинаково. Ранний подъём в шесть часов, чашка крепкого кофе, поцелуй в блёклую мамину щёку и долгая дорога обратно — в мир больших денег. Особняк встречал меня тишиной. Отец Дениса, Олег Владимирович, появлялся в доме нечасто, но каждый его визит напоминал о том, на какой пороховой бочке я сижу. Это был плотный, ухоженный мужчина за пятьдесят, чьё лицо каза-

лось высеченным из камня. В отличие от сына, он разговаривал со мной подчёркнуто вежливо, но от этой вежливости веяло ледяным контролем.

— Вы делаете успехи, Кира, — произнёс он на третий день, остановившись за моей спиной и оглядывая бушующее синее море, занявшее уже половину стены. — Денис сказал, что вы излишне импульсивны, но я вижу в этом глубину. Надеюсь, мой сын не сильно мешает вам работать? У него сейчас сложный период в бизнесе, он бывает невыносим.

— Всё в порядке, Олег Владимирович, мы... находим общий язык, — солгала я, не поворачивая головы, чтобы он не заметил, как дрогнули мои пальцы при упоминании Дениса.

Но никакого общего языка не было. Была война. Денис появлялся в особняке почти каждый день ближе к полудню. Наши отношения напоминали натянутую до предела струну, которая вот-вот лопнет с оглушительным звоном. Он больше не садился на диван и не комментировал мою одежду, но его присутствие ощущалось физически. Он мог часами ходить по второму этажу, громко решая вопросы по телефону, или внезапно замереть у перил, глядя на меня сверху вниз.

Мы обменивались короткими, колкими репликами, в которых сквозило взаимное раздражение, пряча за ними то, в чём оба боялись признаться даже самим себе. Меня безумно, до дрожи в коленях тянуло к нему. Его резкость, его уверенные, хищные движения, этот упрямый разлёт бровей — всё это вызывало во мне бурю эмоций, которую я судорож-

но выплёскивала на стену. А он... он злился на то, что не может выкинуть меня из головы. Я видела это по тому, как опасно темнели его глаза, когда я случайно задевала его плечом, проходя мимо, или когда он ловил мой прямой, не мигающий взгляд. Это было невыносимое, молчаливое притяжение двух противоположных полюсов, которые с каждым днём подкатывались всё ближе к неминуемому столкновению.

В пятницу привычный ритм моей работы был грубо нарушен. Ещё с утра в особняк начали съезжаться флористы, кейтеринг и суетливые организаторы мероприятий. Олег Владимирович устраивал закрытый благотворительный приём для своих бизнес-партнёров и городской элиты. Моя стена, покрытая сочным, глубоким ультрамарином, должна была стать главным визуальным акцентом вечера, своеобразной фотозоной для высокопоставленных гостей. Старший Громов лично подошёл ко мне в разгар этой суматохи и, мягко, но непреклонно взяв за локоть, произнёс:

— Кира, сегодня вечером вы обязаны быть здесь в качестве автора. Мои гости должны видеть лицо того, кто сотворил это чудо. О наряде не беспокойтесь, я распорядился, вам всё привезут в гостевую комнату. Возражения не принимаются.

У меня не было выбора. Моя старенькая мама, когда я наспех позвонила ей из гардеробной, лишь вздохнула в трубку: «Иди, доченька, это твой шанс. Только будь осторожна

с этими людьми». Если бы она только знала, кого именно я боялась встретить на этом вечере больше всего.

В гостевой комнате меня ждало длинное, в пол, платье из тяжёлого шёлка оттенка ночного неба — Олег Владимирович тонко подыграл цветам моей картины. Профессиональный стилист быстро привела в порядок мои вечно растрёпанные волосы, уложив их в элегантную, но свободную причёску, и нанесла лёгкий макияж, подчеркнувший линию скул и сделавший мои глаза огромными, глубокими. Когда я взглянула на себя в зеркало, то едва узнала собственное отражение. Из него на меня смотрела уверенная, загадочная и чертовски привлекательная женщина, в которой ничто не напоминало обычную девчонку из хрущёвки.

Когда я спустилась в холл, приём уже был в самом разгаре. Сверкали бриллианты, тихо звенели бокалы с дорогим шампанским, а приглашённый струнный квартет выводил нежную, усыпляющую мелодию. Гости толпились у моей стены, восхищённо перешёптываясь. Олег Владимирович тут же увлёк меня в водоворот знакомств, представляя банкирам и коллекционерам. Я вежливо улыбалась, кивала, но всё моё существо было напряжено до предела. Я искала глазами Его.

И я нашла. Денис стоял у противоположной стены в окружении нескольких мужчин в дорогих смокингах и ослепительной блондинки, которая висла на его локте. На нём был идеальный чёрный костюм-тройка, белоснежная рубашка и бабочка. Он выглядел невероятно, порочно красивым. В ка-

кой-то момент, словно повинуюсь невидимому зову, он повернул голову и наткнулся на меня взглядом.

Я физически почувствовала, как он замер. Его разговор прервался на полуслове. Его графитовые глаза медленно, обжигаяще поползли по моей фигуре — от открытых плеч, по изгибу талии, облачённой в шёлк, до самого подола. В его взгляде больше не было ледяного презрения. Там вспыхнуло нечто совершенно иное — дикое, первобытное изумление, пополам с яростью от того, насколько сильно я его взбудоражила. Блондинка что-то кокетливо спросила, дёрнув его за рукав, но Денис даже не повернулся к ней. Он не мигая смотрел на меня сквозь толпу, и между нами снова натянулась та самая сумасшедшая струна, готовая вот-вот лопнуть.

Через полчаса, уловив момент, когда Олег Владимирович отвлёкся на важного министра, я поспешила ускользнуть из душного, наполненного фальшивыми улыбками зала. Мне нужно было вдохнуть свежего воздуха. Я толкнула тяжёлую стеклянную дверь и вышла на огромную, залитую лунным светом террасу. На улице было прохладно, лёгкий ветерок мгновенно остудил мои разгорячённые щёки. Я подошла к каменным перилам, обняв себя за плечи, и посмотрела на темнеющий вдали город.

— Оказывается, под грязным комбинезоном пряталась настоящая женщина, — раздался из темноты тихий, хриплый голос, от которого у меня перехватило дыхание.

Денис медленно вышел из тени колонны. В его руке был

бокал с янтарным виски, верхняя пуговица его рубашки была расстёгнута, а бабочка исчезла. Он приближался ко мне своей излюбленной хищной походкой, и в лунном свете его лицо казалось высеченным из мрамора. Натянутые отношения, которые мы так тщательно выстраивали последнюю неделю, рушились с каждым его шагом.

— Ты следил за мной? — я постаралась, чтобы мой голос звучал твёрдо, но предательская дрожь всё же выдала меня.

— Мой отец слишком щедр, Кира, — Денис остановился так близко, что я почувствовала знакомый аромат его парфюма с нотами табака и кожи. Он поставил бокал на перила и развернулся ко мне, практически блокируя мне путь к отступлению. — Платье. Макияж. Он делает из тебя украшение своего дома. Но самое забавное, что тебе это идёт. Чертовски идёт.

— Я не украшение, Денис, — я упрямо вскинула подбородок, глядя прямо в его потемневшие глаза. Наше притяжение сейчас стало настолько осязаемым, что воздух между нами казалось можно было резать ножом. — И я здесь только ради работы. В отличие от твоих фальшивых подружек, которые ведутся на твои деньги, мне от тебя ничего не нужно.

— Ты уверена в этом? — прошептал он, делая ещё один микроскопический шаг вперёд. Теперь его грудь почти касалась моей. Он протянул руку, и его тёплые, сухие пальцы медленно, с невероятной, несвойственной ему нежностью скользнули по моему обнажённому плечу, заставляя

меня вздрогнуть и судорожно выдохнуть. — Мне кажется, ты врёшь. Себе и мне. Тебя ведь тянет ко мне так же сильно, как и меня к тебе, Кира. Так зачем мы продолжаем эту глупую войну?

Его пальцы обжигали. Это прикосновение было настолько контрастным по сравнению с его привычной грубостью, что у меня на секунду подкосились ноги. Внутри вспыхнула паника — не от страха перед ним, а от осознания того, как легко он ломает мою защиту. Я сделала судорожный вдох, пытаюсь вернуть контроль, и упёрлась ладонями в его грудь, чувствуя, как под тонкой тканью рубашки напряглись его мышцы.

— Перестань, Денис, — мой голос прозвучал тише, чем хотелось бы, потеряв всю свою недавнюю спесь. — Это глупо. Мы из абсолютно разных миров. Твой отец нанял меня, чтобы я красила стены, а не... не для этого. Отпусти. Тебя там ждёт твоя блондинка.

Я попыталась отстраниться, но это была тактическая ошибка. Моё сопротивление лишь раззадорило в нём хищника. Денис перехватил мои запястья одной рукой, легко, но надёжно зафиксировав их у меня на груди. Его вторая рука скользнула выше по моему плечу, пальцы запутались в волосах на затылке, аккуратно, но властно заставляя меня запрокинуть голову. Бокал с виски с тихим стуком покатился по каменным перилам, но ни один из нас этого не заметил.

— К чёрту блондинку. И к чёрту отца, — выдохнул он

прямо мне в губы. Его графитовые глаза в полумраке казались абсолютно чёрными, в них горело голодное, опасное пламя. — Ты целую неделю сводишь меня с ума своими колючими взглядами, Кира. Ты думаешь, я не вижу, как ты смотришь на меня? Как у тебя дыхание перехватывает, когда я подхожу близко? Хватит бегать.

— Я не... — начала было я, но он не дал мне договорить.

Денис резко, словно обрывая последний канат, удерживающий его на краю пропасти, прижался своими губами к моим.

Это не был нежный, робкий поцелуй. Это был взрыв накопленной за долгие дни ярости, взаимных обид и невыносимого, удушающего притяжения. Он целовал меня требовательно, глубоко, с какой-то отчаянной страстью, словно пытался присвоить себе каждую мою мысль, каждый вдох. Мои запястья в его хватке обмякли. Вся моя гордость, все логичные доводы о том, что он — сын олигарха, а я — нищая художница с окраины, мгновенно растворились в этой обжигающей близости.

Я тихо ахнула ему в губы, и в ту же секунду его хватка изменилась. Железное давление исчезло, уступая место какой-то сумасшедшей, трепетной нежности. Денис отпустил мои руки, и его ладони спустились на мою талию, прижимая меня к себе так сильно, что я почувствовала каждый контур его тела. Мои руки сами собой взлетели вверх, пальцы судорожно впились в его широкие плечи, сбивая идеальную по-

садку дорогого смокинга. Я отвечала ему с той же неистовой силой, вкладывая в этот поцелуй весь хаос своих красок, всю свою дикую, свободную душу.

За стеклянной дверью, всего в нескольких метрах от нас, продолжала играть скрипка и звенеть бокалы, но наш мир сузился до размеров этой тёмной террасы. От Дениса пахло терпким табаком, дождём и чистой, концентрированной опасностью, которая теперь текла по моим венам вместо крови. Когда он наконец медленно отстранился, его дыхание было рваным, а на губах остался едва заметный след моей помады. Он не отпускал меня, продолжая держать за талию, и уткнулся лбом в мой лоб.

— Сумасшедшая, — хрипло, почти обречённо прошептал он, и в этом слове впервые не было злости — только бесконечная, оглушающая капитуляция перед тем, что между нами произошло.

Мы не успели даже перевести дыхание. Со стороны холла послышался сухой, отчётливый стук каблуков по мрамору и приглушённый мужской смех. Тяжёлая стеклянная дверь террасы с тихим шуршанием поползла в сторону.

Этот звук подействовал на нас как ледяной душ. Денис среагировал мгновенно. Ловким, отработанным движением он заслонил меня своим телом, делая шаг назад и создавая между нами видимость приличной дистанции. Мои руки соскользнули с его плеч, пальцы судорожно вцепились в шёлк собственного платья. Сердце колотилось в горле так сильно,

что мне казалось, его стук слышен на всю террасу. Губы горели, а дыхание всё ещё оставалось рваным и прерывистым.

В проёме двери показался Олег Владимирович. Он бережно придерживал под локоть ту самую холёную блондинку, которая ещё полчаса назад висла на Денисе. Лицо старшего Громова было спокойным, но его цепкий, пронизательный взгляд бизнесмена мгновенно перевёл фокус на нас. Он чуть прищурился, оценивая обстановку.

— А, вот вы где, — ровным, бархатным голосом произнёс Олег Владимирович, проходя вглубь террасы. — Денис, Кристина тебя потеряла. А я как раз искал Киру — господин Самойлов из министерства культуры очень хочет лично обсудить с ней концепцию росписи его загородного клуба.

— Я просто вышел покурить, отец, — холодно и абсолютно спокойно соврал Денис. На его лицо в секунду вернулась та самая непроницаемая, высокомерная маска, которую я так сильно ненавидела и которая теперь казалась мне чужой. Он даже не посмотрел в мою сторону, но я видела, как плотно сжались его челюсти. — И случайно наткнулся на твою художницу. Она, кажется, дышала воздухом.

— Да, в зале стало немного душно, — подхватила я, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос не дрожал. Я сделала глубокий вдох, молясь, чтобы никто из них не заметил смазанную помаду на моих губах или то, как безумно блестят мои глаза. — Я как раз собиралась возвращаться.

— Отлично. Кира, прошу вас, пойдёмте со мной, — Олег

Владимирович сделал приглашающий жест рукой.

Я двинулась к выходу, стараясь идти ровно на непривычно высоких каблуках. Проходя мимо Дениса, я на долю секунды заставила себя поднять глаза. Он смотрел прямо перед собой, но когда шёлк моего платья едва уловимо скользнул по его брюкам, его пальцы, сжимавшие перила, побелели от напряжения. Блондинка Кристина тут же обвила его руку своими тонкими пальцами, что-то шептала, и этот контраст отозвался во мне острой, колющей болью.

Остаток вечера превратился для меня в сплошной кошмар. Я стояла в холле, вежливо улыбалась министру, что-то отвечала про композицию, свет и ультрамариновый пигмент, но мыслями была не здесь. Мой взгляд то и дело выхватывал из толпы чёрный смокинг Дениса. Несколько раз наши глаза встречались сквозь пространство огромного зала. Это были секундные, тайные вспышки. Он смотрел на меня тяжело, мрачно, с какой-то затаённой угрозой и невысказанным обещанием, от которого у меня сладко ныло внизу живота. Мы играли в чужих людей, но невидимый провод, протянутый между нами на террасе, продолжал искрить и бить током при каждом случайном пересечении взглядов.

Когда приём наконец завершился и последние гости разъехались, особняк снова погрузился в глухую, давящую тишину. Я поспешно переоделась в комнате для гостей обратно в свой старый, привычный джинсовый комбинезон. Смывая макияж перед зеркалом, я долго разглядывала свои припух-

шие от поцелуев губы. Волшебство закончилось. Золушка возвращалась в свою хрущёвку.

Выйдя на улицу к ожидавшему меня такси, я обернулась. В одном из окон второго этажа, в темноте, угадывался силуэт мужчины с бокалом в руке. Денис провожал мою машину взглядом до тех пор, пока фары не скрылись за массивными воротами посёлка.

Дома меня ждал привычный запах лавандового чая и тихое тиканье настенных часов. Мама уже спала, оставив на кухонном столе записку: «Ужин на плите, погрей, родная». Я села на край своей узкой кровати в крошечной спальне, обхватила колени руками и расплакалась. Не от горя, а от пугающей, сшибающей с ног неопределённости. Я понимала, что завтра утром мне снова нужно будет ехать в этот дом. Снова подниматься на стремянку. И я понятия не имела, как мне вести себя рядом с Денисом после того, что произошло.

Утро встретило меня промозглой сыростью и головной болью. Я вошла в особняк Громовых с тяжёлым сердцем, готовая к любому повороту, но реальность оказалась куда изощрённее моих страхов. Денис не стал устраивать сцен. Он выбрал самое жестокое оружие своего класса — абсолютное, выверенное равнодушие.

Когда я раскладывала кисти у стены в холле, он спустился со второго этажа. На нём снова был безупречный деловой костюм, в руке — неизменный стакан с кофе. Он прошёл в паре метров от меня, разговаривая по телефону о каких-то ак-

циях. Его взгляд скользнул по мне так, словно на моём месте стояла неодушевлённая деталь интерьера. Ни тени ночной страсти, ни единого намёка на то, что несколько часов назад эти самые губы до боли впивались в мои. Его ледяной игнор ударил по моей гордости сильнее, чем любая брань. Внутри всё сжалось от унижительной обиды: для него это была лишь минутная слабость, блажь заносчивого мажора, о которой он предпочёл забыть.

Я стиснула зубы и поднялась на стремянку. Намётанный глаз художника замечал детали: Денис не уезжал. Он сидел в стеклянном кабинете в глубине холла, делая вид, что погружён в бумаги, но я спиной чувствовала, как между нами нарастает тяжёлый, грозовой фронт.

Ближе к двум часам дня особняк окончательно опустел. Олег Владимирович уехал на деловую встречу, а прислуга удалилась в левое крыло. Воцарилась звенящая, пугающая тишина. Я вела кистью по бетону, внутри меня всё кипело, и в какой-то момент я не выдержала — краска легла неровно, сорвав мою внутреннюю плотину. Я зло бросила флейц в ведро с водой, брызги ультрамарина разлетелись в стороны.

Именно в этот момент за моей спиной раздался резкий, сухой щёлкающий звук.

Я резко обернулась, едва удерживая равновесие на верхней ступени. Денис стоял у массивных входных дверей. Его пальцы только что повернули тяжёлый замок, отрезая нас от остального мира. Он медленно повернулся ко мне, и на

его лице больше не было утреннего безразличия. Галстук был сорван и валялся на полу, верхние пуговицы рубашки расстёгнуты, а в графитовых глазах бушевал точно такой же шторм, какой я рисовала на стене. Он двигался к стремянке медленно, хищно, сбрасывая маску за маской.

— Думала, я смогу забыть? — его голос, хриплый и низкий, эхом разнёсся по пустому холлу. Он остановился у самого подножия металлической лестницы, глядя на меня снизу вверх. Его грудь тяжело вздымалась. — Думала, я смогу притвориться, что ничего не произошло, Кира? Я всё утро пытался убедить себя, что ты — просто случайный эпизод. Не вышло.

— Зато у тебя отлично получалось строить из себя ледяную статую, Денис, — я сжала кулаки, упрямо глядя на него сверху вниз, хотя сердце уже готово было выпрыгнуть из груди от сладкого предвкушения и страха. — Уходи. Не мешай мне работать. Ты сам сказал, что я здесь прислуга.

— К чёрту мои слова, — выдохнул он и, не разрывая нашего зрительного контакта, сделал первый шаг вверх по стремянке. Металл жалобно звякнул под его тяжёлым весом. Второй шаг. Третий.

Я отпрянула назад, прижимаясь спиной к стене, покрытой сырой синей краской, но бежать было некуда. Денис поднялся на мою площадку. Пространство между нами сократилось до нуля. На такой высоте, в замкнутом мире алюминиевых перил, его фигура казалась огромной, удушающей. Он пере-

хватил мои запястья, прижимая их к бетону над моей головой. Его пальцы были горячими, почти обжигающими. Мой комбинезон коснулся его дорогой рубашки, и синий акрил мгновенно отпечатался на её белизне, но ему было плевать.

— Ты проросла мне под кожу за эту неделю, художница, — прошептал он прямо в мои губы, и в его голосе слышалась настоящая, неподдельная мука пополам с дикой страстью. — Я не могу ни спать, ни думать. Из-за тебя. Из-за твоих колючих глаз и этих испачканных краской рук. Хватит со мной воевать. Пожалуйста.

Это робкое, непривычное для него «пожалуйста» сломало мою последнюю защиту. В его глазах я увидела не высокомерие олигарха, а уязвимость мужчины, который впервые в жизни по-настоящему влюбился и до смерти этого боится.

Его пальцы на моих запястьях медленно разжались. Вместо того чтобы прижать меня к себе, Денис бережно опустил мои руки, а затем его ладонь осторожно легла на мою талию — не властно, как вчера на террасе, а поддерживающе, помогая мне удержать равновесие на шаткой площадке. Мы стояли на самом верху стремянки, тяжело дыша, и смотрели друг другу в глаза. Между нами всё ещё искрило, но эта искра уже не обжигала, а грела.

— Ладно, — вдруг тихо хмыкнул он, и на его губах впервые появилась не высокомерная маска, а обычная, живая мальчишеская улыбка, от которой у него на щеках обозначились едва заметные ямочки. — Признаю. Моя рубашка сно-

ва испорчена. Отец скоро начнёт подозревать, что я подрабатываю у тебя маляром.

Я не выдержала и тихо рассмеялась, утыкаясь лбом в его плечо. Напряжение, державшее меня в тисках последние дни, окончательно испарилось.

— Твой отец платит мне за роспись стены, а не за порчу дизайнерского гардероба его сына, — отстранившись, с улыбкой заметила я. — Спускайся давай, сильный и независимый. Ты мне весь обзор загораживаешь.

В тот день я так и не закончила море — мы просто не смогли вернуться к прежней холодной войне. Ближе к вечеру Денис, вопреки всем законам своего привычного распорядка, заявил, что больше не может находиться в этом «мраморном склепе», и приказал мне собираться.

Так начались наши странные, ни на что не похожие дни. Оказалось, что сын олигарха, привыкший к закрытым клубам и перелётам бизнес-классом, совершенно не умеет... просто гулять. В первый же вечер, когда он привёз меня в центр города, на нём были непривычные джинсы и мягкий худи вместо костюма. Он выглядел моложе и как-то беззащитнее. Мы бродили по старым переулкам, и я с удивлением обнаружила, что Денис искренне не понимает, как можно покупать кофе в обычном уличном ларьке и радоваться дешёвой сахарной вате.

— То есть ты хочешь сказать, что этот сироп со вкусом химии и есть вершина гастрономического блаженства? — с

подозрением разглядывая розовое облако на палочке, спросил он, когда мы сидели на старой скамейке в парке.

— Не ворчи, Громов, просто попробуй, — я отщипнула кусочек ваты и бесцеремонно пихнула ему прямо в рот.

Денис замер, смешно наморщил нос, а потом его глаза округлились. Он с удивлением распробовал угощение, и мы оба покатались со смеху под недоумёнными взглядами прохожих. В эти минуты не было богатого мажора и бедной художницы. Были просто парень и девушка, которым было чертовски хорошо вместе. Наше сближение происходило в мелочах: в том, как он аккуратно перехватывал мою руку, переводя через оживлённый проспект; в том, как грел мои вечно холодные пальцы в своих широких ладонях; в том, какими мягкими и тёплыми становились его графитовые глаза, когда он слушал мои увлечённые рассказы об эпохе Возрождения и сочетании цветов.

Настоящее испытание нашей новой реальности случилось через неделю. Моя машина окончательно сломалась, и Денис вызвался подвезти меня до дома. Когда его блестящий спортивный автомобиль заехал во двор моей старенькой хрущёвки, потрёпанные жизнью бабушки на лавке у подъезда дружно замолкли, провожая нас подозрительными взглядами.

— Уютненько, — деликатно кашлянул Денис, глуша мощный мотор и оглядывая облупившуюся краску на стенах дома и покосившуюся детскую площадку.

— Не паясничай, — я толкнула его в плечо. — Ладно,

спасибо, что довёз. До завтра?

Я уже потянулась к ручке двери, как вдруг он перехватил мою ладонь. Его взгляд стал серьёзным, почти просящим.

— Кира, а ты... не пригласишь меня на чай? Я действительно хочу познакомиться с твоей мамой. И, если честно, безумно голоден, а из твоего рюкзака так вкусно пахнет домашними пирожками, что я готов продать за них долю в отцовском бизнесе.

Сердце ёкнуло. Пустить его в наш тесный, скромный мирок было страшно. Что подумает мама? Как отреагирует Денис на нашу бедную обстановку? Но, взглянув в его открытые, выжидающие глаза, я поняла, что пути назад нет.

Когда мы вошли в квартиру, мама как раз сидела за швейной машинкой в окружении отрезков ткани. Увидев на пороге высокого, дорого одетого незнакомца рядом со мной, она растерянно поднялась, поправляя фартук.

— Мам, это Денис, — тихо сказала я, разуваясь. — Он... мой друг. И он очень хочет чая.

Денис проявил неожиданную чуткость. Никакого высокомерия или брезгливости. Он вежливо поклонился, аккуратно поставил свои чистые кроссовки на наш старенький коврик и протянул маме букет лаванды, который, как оказалось, прятал за спиной все эти минуты.

— Здравствуйте, Анна Сергеевна, — мягко произнёс он, и его голос звучал на удивление искренне. — Извините за неожиданный визит. Но Кира так много рассказывала о ва-

шей выпечке, что я просто не смог устоять.

Уже через полчаса мы сидели на нашей крошечной кухне. Денис, чьи колени едва помещались под маленьким круглым столом, с огромным аппетитом уплетал мамины пироги с капустой, запивая их чаем из старой советской кружки с отбитым краем. Мама, поначалу смущённая его статусом, быстро оттаяла. Она с нежностью смотрела, как этот богатый парень искренне хвалит её стряпню и с каким трепетом он то и дело бросает на меня быстрые, любящие взгляды.

— Вы, Денис, главное, её не обижайте, — тихо, но твёрдо сказала мама, подливая ему заварки. — Кирочка у меня ранимая, вся в отца покойного. Она если любит, то до конца, без остатка.

Денис отложил пирог, его лицо стало серьёзным. Он посмотрел сначала на маму, потом перевёл взгляд на меня, аккуратно накрывая мою руку своей тёплой ладонью прямо на обеденном столе.

— Я никогда её не обижу, Анна Сергеевна. Обещаю вам, — тихо, но с железной уверенностью произнёс он.

И в этот момент, глядя на его профиль в мягком свете нашей кухонной лампы, я впервые поймала себя на мысли, что этот парень медленно, но бесповоротно становится центром моей вселенной.

Идиллия разрушилась на следующее же утро, вернув нас с небес на жёсткую землю. Когда я привычно подошла к подъезду своей хрущёвки, на месте моей старенькой развалюхи

«Лады» стоял новенький блестящий эвакуатор, а рядом с ним — растерянный автомеханик.

— Кира? — окликнул он меня, сверяясь с бумагами. — Нам тут поступило распоряжение от господина Громова. Вашу машину увозят в официальный дилерский центр на полный капитальный ремонт. Всё уже оплачено. Запчасти, кузовные работы, новый мотор. Вот, распишитесь.

У меня буквально отнялся язык. С одной стороны, внутри всё перевернулось от его заботы, но с другой — моя дурацкая гордость снова встала на дыбы. Он просто взял и решил мою проблему деньгами, даже не спросив! Набрав Дениса, я едва сдерживала бурю эмоций.

— Громов, ты с ума сошёл?! — выпалила я в трубку, как только он ответил. — Зачем ты оплатил ремонт? Я не просила у тебя милостыню!

— Во-первых, доброе утро, художница, — в его голосе послышалась мягкая, довольная улыбка. — Во-вторых, это не милостыня. Я просто не хочу, чтобы моя девушка рисковала жизнью в ведре с гайками. И в-третьих, не ворчи. Тебе идёт улыбка, а не этот твой командирский тон. Увидимся в особняке.

Он повесил трубку, оставив меня наедине с пылающими щеками. «Моя девушка» — эти слова до сих пор эхом отзывались в голове, заставляя сердце биться в сумасшедшем ритме.

Поделиться этой бурей чувств мне было необходимо, и по

дороге в особняк я заскочила в небольшую кофейню, где работала моя лучшая подруга Алина. Алина была полной моей противоположностью: яркая, вечно позитивная хохотушка с копной рыжих кудрей, которая знала обо мне всё. Выслушав мой сбивчивый рассказ про террасу, пирожки с капустой и эвакуатор, она едва не выронила чашку с капучино.

— Кирка, ты шутишь?! — округлив глаза, прошептала она на всю кофейню. — Сын самого Громова ест пироги на твоей кухне и оплачивает ремонт твоей машины?! Да это же чистый сюжет для турецкого сериала! Но если серьёзно... Кир, будь осторожна. Эти мажоры поиграют и бросят. Его отец — акула, он его насквозь видит. Не позволяй себе влюбиться без памяти, ладно?

Её слова отрезвили меня, но было уже поздно. Я понимала, что увязла по самые уши.

И предсказание Алины сбылось слишком быстро. Едва я перешагнула порог особняка Громовых, как почувствовала, что воздух в доме буквально промёрз. В холле у моей незаконченной стены меня ждал не Денис. На кожаном диване, скрестив руки на груди, восседал Олег Владимирович. Его лицо казалось высеченным из гранита, а взгляд серых глаз не обещал ничего хорошего. Он медленно поднялся, и от его властной фигуры повеяло такой ледяной угрозой, что у меня похолодели пальцы.

— Присела, Кира, — ровным, зловеще тихим голосом произнёс он, даже не поздоровавшись. — Нам нужно пого-

ворить. До меня дошли слухи, что мой сын слишком часто крутится возле тебя. И что вчера его машина допоздна стояла в каком-то нищем спальном районе.

Я замерла, сжимая в руках рюкзак с кистями. Страх попытался сковать горло, но я упрямо вскинула подбородок, глядя прямо в глаза олигарху.

— Денис просто подвёз меня домой, Олег Владимирович. Вашему заказу это никак не мешает, я работаю строго по графику.

— Не держи меня за дурака, девочка, — Громов-старший сделал шаг ко мне, и его голос налился свинцовой тяжестью. — Мой сын — единственный наследник огромной финансовой империи. Его жизнь расписана на годы вперёд, включая брак с дочерью министра, которую ты видела на приёме. Он может увлекаться кем угодно, покупать тебе машины, оплачивать твои долги — для него это копейки, развлечение. Но ты для него — никто. Игрушка. Хаос, который он забудет через месяц. Я плачу тебе за роспись стены, Кира. Запомни своё место. Если я ещё раз увижу тебя рядом с моим сыном за пределами этой работы, твой аванс аннулируется, а твоя мать потеряет свою швейную мастерскую в ту же секунду. Я сотру тебя из этого города. У тебя есть три дня, чтобы закончить работу и навсегда исчезнуть из жизни Дениса. Надеюсь, мы поняли друг друга?

Он развернулся и размашистым шагом направился к выходу, оставив меня стоять посреди огромного холодного хол-

ла. Из моих глаз брызнули слёзы уязвлённой гордости и дикого, удушающего страха за маму. В этот момент двери особняка снова распахнулись, и в холл быстро вошёл Денис, весёлый, с букетом моих любимых ромашек в руках. Увидев моё бледное, заплаканное лицо и удаляющуюся фигуру отца, он мгновенно изменился в лице, и цветы выпали из его рук на мраморный пол.

Денис в три широких шага пересёк холл. Ромашки остались лежать на холодном граните, а его сильные руки уже сжимали мои плечи. В его графитовых глазах вспыхнула такая острая, ошалелая тревога, что мне на секунду захотелось уткнуться ему в грудь и обо всём рассказать.

— Кира, что случилось? — его голос вибрировал от сдерживаемого гнева. Он бросил яростный взгляд на закрывшуюся за отцом дверь, и его челюсти плотно сжались. — Что он тебе сказал? Отвечай мне! Он угрожал тебе?

Внутри меня шла жестокая битва. Перед глазами стояло блёклое, уставшее лицо моей мамы, её швейная машинка, которая кормила нас все эти годы. Олег Владимирович не шутил — такие люди стирают в порошок и даже не замечают. Я должна была защитить её. Чего бы мне это ни стоило. Даже если ради этого придётся заживо похоронить собственное сердце.

Я сделала глубокий вдох и изо всех сил, грубо дёрнула плечами, заставляя Дениса разжать руки. На моё лицо, словно щит, наплыла холодная, фальшивая улыбка.

— Ничего особенного он не сказал, Денис, — мой голос прозвучал на удивление ровно, хоть внутри всё исходило кровью. — Твой отец просто открыл мне глаза. И вернул из глупой сказки в реальность.

— О чём ты говоришь? — Денис нахмурился, делая попытку снова подойти ближе, но я отступила на шаг, прячась за алюминиевые стойки стремянки.

— О том, что Алина была права, — я зло усмехнулась, намеренно раня его каждым словом. — Твой отец напомнил мне, кто ты, а кто я. Ты поиграл в простого парня, поел маминых пирогов, оплатил ремонт моей дурацкой машины... Спасибо, кстати, за щедрость. Сколько я тебе за неё должна? Запишешь в счёт моего гонорара за стену? Денис замер. Его лицо медленно бледнело, а взгляд становился ледяным, раненым и страшным. Я видела, как на его шее запульсировала вена.

— Кира, прекрати этот бред, — тихо, сквозь зубы процедил он. — Ты же врёшь. Ты смотришь мне в глаза и врёшь. Вчера на кухне... на террасе... это всё тоже было игрой?

— Это было помутнение рассудка, — отрезала я, сжимая кулаки так, что ногти вонзились в ладони. — Мне не нужен богатый мажор, у которого вся жизнь расписана папочкой на десять лет вперёд. Мне не нужны проблемы с твоей семьёй. Я хочу просто закончить эту чёртову стену за три дня, забрать свои деньги и никогда больше тебя не видеть. Уходи, Денис. Между нами всё кончено, так и не начавшись.

Несколько секунд в огромном зале стояла мёртвая, удушьяющая тишина. Было слышно только наше тяжёлое дыхание. Денис смотрел на меня так, словно я только что ударила его ножом в спину. В его глазах нежность и ранимость, которые он так бережно открывал мне последние дни, мгновенно выгорели, уступая место первобытной, тёмной ярости.

— Вот, значит, как, — очень тихо, почти зловеще произнёс он. Он горько усмехнулся, качнув головой, и сделал шаг назад. — Быстро же ты сдалась, художница. Стоило отцу просто рявкнуть, и ты уже выставила мне счёт. Что ж... Наслаждайся своей гордостью и своими красками.

Он развернулся и стремительным, хищным шагом направился к выходу. Дверь особняка захлопнулась с таким оглушительным грохотом, что стремянка под моими ногами задрожала. Я осталась одна. Силы мгновенно покинули меня, я опустилась прямо на грязный пол рядом с растоптанными ромашками и зарыдала, закрыв лицо руками.

Следующие два дня превратились в сплошной механический ад. Денис больше не появлялся в особняке. Я работала как проклятая, по четырнадцать часов в сутки, почти не спала и не ела. Моя подруга Алина прибегала ко мне по вечерам, пыталась отпаивать чаем, но я лишь молча качала head, превратившись в бледную тень самой себя. Вся моя боль, вся невысказанная страсть и рвущая душу нежность уходили в стену. Море на бетоне получалось пугающе реалистичным, штормовым, взрывным — оно кричало вместо меня.

На третий день работа была завершена. Я стояла посреди холла, собирая вещи, когда в дверях появился Олег Владимирович. Он оглядел готовую стену, удовлетворённо кивнул и швырнул на столик толстый конверт с деньгами.

— Прекрасная работа, Кира. Рад, что ты оказалась благодарумной девушкой, — холодно произнёс он. — Машина твоя готова, стоит у ворот. Прощай.

Я взяла конверт, даже не глядя на него, и пошла к выходу. Моё сердце было выжженным полем. Я вышла за ворота, села в свою отремонтированную машину, но не успела даже вставить ключ в замок зажигания.

В этот момент тишину элитного посёлка разорвал бешеный, оглушительный рёв мощного мотора. Спорткар Дениса на огромной скорости влетел в ворота, заблокировав мою машину бампер в бампер. Он резко затормозил, шины жалобно взвизгнули, оставив чёрный след на асфальте.

Денис выскочил из салона. На нём не было костюма — растрёпанный, в помятой чёрной рубашке, с тёмными кругами под глазами от бессонных ночей. В его руках был какой-то юридический документ. Он с силой распахнул дверь моей машины, схватил меня за руку и буквально вытащил наружу.

— Денис, пусти, ты с ума сошёл?! — закричала я, пытаюсь вырваться.

— Замолчи, Кира! Теперь говорить буду я! — рявкнул он, и его глаза горели сумасшедшим, триумфальным огнём. В

этот момент из особняка на шум выбежал Олег Владимирович, на ходу доставая телефон.

Денис развернулся к отцу, крепко прижимая меня к своему боку, и швырнул пачку бумаг прямо к его ногам.

— Можешь не звонить своим юристам, отец! — во весь голос выкрикнул Денис, и его голос разнёсся над посёлком, как гром. — Я знаю всё. Я знаю, что ты угрожал её матери и её мастерской. Так вот, послушай меня внимательно. Перед тобой — мой официальный отказ от твоей доли в бизнесе, от всех твоих счетов, акций и этого чёртова дома. Я забираю свои личные сбережения, которые заработал сам, и уйду. С сегодняшнего дня ты больше не можешь ничем мне угрожать. И её ты тоже не тронешь. Потому что если с её головы или с головы её матери упадёт хоть один волос — я уничтожу твою репутацию в прессе за один день. Ты меня понял?

Олег Владимирович застыл, его лицо пошло багровыми пятнами, он впервые в жизни выглядел растерянным и побеждённым. Его собственный сын, его единственный наследник, только что растоптал всю его империю ради девчонки с красками.

Денис больше не удостоил его ни одним взглядом. Он повернулся ко мне, и вся его ярость мгновенно растаяла, уступая место такой безграничной, щемящей нежности, что у меня перехватило дыхание. Он бережно взял моё лицо в свои широкие ладони, заставляя смотреть только на него.

— Ты думала, я поверю в твою ложь, глупая моя худож-

ница? — прошептал он, и его губы коснулись моего лба. — Я люблю тебя. И мне плевать на все миллионы мира, если в них нет тебя. Теперь мы свободны. Поедешь со мной?

Слёзы хлынули из моих глаз, но это были слёзы абсолютного, оглушительного счастья. Моя защита рухнула окончательно. Я крепко обвила руками его шею, прижимаясь к нему всем телом.

— Поеду, — выдохнула я прямо в его губы. — Куда угодно, Денис. С тобой — куда угодно.

Глава 2

Мы уехали в тот же день, не оглядываясь на помпезный фасад особняка, который из символа роскоши превратился для нас в золочёную клетку. Денис бросил на заднее сиденье моей отремонтированной «Лады» лишь один спортивный рюкзак с самыми необходимыми вещами и ноутбуком. Его личные сбережения, накопленные за время самостоятельной работы в консалтинге, были невелики по меркам его отца, но для нас они стали спасительным плотом. Нам пришлось снять двухкомнатную квартиру в старом кирпичном доме недалеко от центра — просторную, с высокими потолками, но отчаянно нуждавшуюся в ремонте.

Первые месяцы новой жизни оказались ушатом ледяной воды. Романтика свободы быстро разбилась о суровую реальность. Денис, никогда в жизни не считавший деньги на продукты и не знавший, что такое квитанции за коммунальные услуги, первое время пребывал в шоке. Я с трудом сдерживала улыбку, когда он в супермаркете по привычке тянулся к импортным сырам, а потом подолгу изучал ценники, хмурия свои породистые брови.

— Кира, скажи мне, почему кусок прессованного молока стоит как половина моего дневного заработка на фрилансе? — ворчал он, устало потирая переносицу, когда мы возвращались домой с тяжёлыми пакетами.

— Потому что ты больше не на папином обеспечении, Громов, — подмигивала я ему, перехватывая один из пакетов. — Привыкай. Зато это наше собственное молоко. Наша собственная жизнь.

Трудности не заставили себя ждать, и начались они с юридического ада. Олег Владимирович не собирался отпускать сына просто так. Через неделю после нашего ухода Денису заблокировали все счета, которые хоть как-то были связаны с семейными фондами. Более того, юристы его отца завалили Дениса судебными исками, обвиняя его в разглашении коммерческой тайны и нарушении каких-то мифических пунктов корпоративного договора, который он подписывал годами ранее, будучи номинальным директором одной из отцовских фирм.

Несколько недель Денис практически не спал. Наша съёмная квартира превратилась в филиал адвокатской конторы: повсюду валялись распечатки законов, претензии, повестки в суд. Я видела, как тяжело ему даётся эта ломка. Он привык решать вопросы одним звонком, а теперь ему приходилось часами сидеть в душных коридорах районного суда, доказывая свою правоту мелким чиновникам. Его порочный, лощёный вид сменился жёсткой, упрямой собранностью.

В один из самых тяжёлых вечеров, когда очередной адвокат запросил неподъёмную для нас сумму за ведение дела, Денис сорвался. Он в ярости швырнул кипу бумаг в стену и закрыл лицо ладонями, сидя на полу среди этого бумажного

хаоса. Его широкие плечи мелко дрожали.

Я молча подошла, опустилась рядом на колени и обняла его со спины, прижимаясь щекой к его тёплой лопатке. В этот момент в моей нежности не было жалости — только слепая, неистовая вера в него.

— Мы справимся, Денис, — тихо прошептала я, целуя его в напряжённую шею. — Слышишь? У нас есть мы. Деньги придут и уйдут, а это никто не отнимет.

Он резко развернулся, поймал моё лицо в свои ладони и поцеловал меня — дико, отчаянно, со всей накопившейся страстью и злостью на этот мир. Этот поцелуй пах солью моих слёз и его горьким упрямством. Мы любили друг друга прямо там, на полу, среди судебных исков и законов, и эта близость была чище и сильнее всего, что происходило с нами в роскошных интерьерах его прошлого.

Постепенно тучи начали рассеиваться. Денис, обладавший блестящим умом и мёртвой хваткой, выиграл два ключевых суда. Юристы отца отступили, поняв, что парень готов идти до конца и предать дело огласке в прессе. Это была наша первая, общая победа.

Освободившись от судебных оков, мы начали строить своё дело. Денис настоял, что мой талант не должен пропадать на чужих стенах. Используя остатки своих сбережений и оформив небольшой коммерческий кредит, он арендовал заброшенное помещение бывшей типографии с огромными панорамными окнами. Три месяца мы вдвоём, а иногда с

помощью моей верной подруги Алины, шпаклевали стены, красили потолки и закупали мольберты. Алина взяла на себя всю рекламу и административную часть, умудряясь совмещать это с работой в кофейне.

Так родилась наша арт-студия «Ультрамарин» — первая независимая школа искусств в городе, где не было академической скуки, а была чистая свобода самовыражения. В день открытия, когда в холл хлынули первые ученики, я стояла у окна и не верила своим глазам. Наша студия дышала жизнью.

Параллельно дела пошли в гору и у моей мамы. Денис, ставший теперь моим главным финансовым советником и управляющим, помог Анне Сергеевне правильно составить бизнес-план. Вместо того чтобы ютиться в крошечной комнатке, мама арендовала светлое помещение на первом этаже нашего дома. Денис помог ей оформить субсидию от государства на поддержку малого бизнеса. Мама наняла двух профессиональных портних, закупила новые японские швейные машинки и расширила свою мастерскую, превратив её в небольшое ателье авторской одежды. Теперь из её окон по вечерам лился мягкий свет, а на вешалках красовались изящные платья из льна и шёлка.

Прошёл год. Мы сидели на нашей отремонтированной кухне, пахнувшей свежим кофе и лавандой. Денис, уткнувшись в планшет, просчитывал прибыль студии за прошлый месяц, а я делала наброски его профиля в своём блокноте.

— Знаешь, художница, — вдруг тихо сказал он, отрыва-

ясь от экрана и глядя на меня своими потемневшими графитовыми глазами. — Отец вчера звонил. Звал обратно. Предлагал возглавить новый строительный холдинг.

Моё сердце на секунду пропустило удар. Я замерла с карандашом в руке, внимательно всматриваясь в его лицо.

— И что ты ему ответил? — тихо спросила я.

Денис медленно поднялся, подошёл ко мне со спины и забрал из моих пальцев карандаш. Он обнял меня, утыкаясь носом в мои волосы, пахнувшие растворителем и моим новым, дорогим парфюмом, который он сам мне подарил.

— Я сказал ему, что у меня уже есть свой холдинг, — тихо, с глубокой нежностью прошептал он, целуя меня в макушку. — Самый главный в моей жизни. И его капитал сидит сейчас у меня на коленях. Я ни за какие миллиарды не променяю наши пироги с капустой и твою синюю краску на моих рубашках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.